

Творческий подвиг Вахтангова

К 90-летию со дня рождения

ва «Праздник мира» Гауптмана, осуществленная им в 1913 году в студии Художеств и н о г о театра, вызвала необычайный интерес московской театральной общественности и дала возможность угадать в молодом режиссере будущего большого мастера. Вскоре после этой первой своей постановки Вахтангов, продолжая работать в Художественном театре и его студии, становится во главе небольшого кружка студенческой моло-

дежи, решившей посвятить свою жизнь театру.

Вахтангов один из первых художников русского театра, который приветствовал Октябрьскую революцию и связал с нею творческие надежды и свое искусство. Он был страстным искателем новых путей в театре, неутомимым экспериментатором. Но какие бы формы и приемы он ни изобретал, какие бы новые пути ни прокладывал, он никогда не покидал «антеевой земли» подлинного искусства — правды жизни. Его новаторские принципы вырастали на почве тех требо-

ваний, которые выдвигала революционная действительность. Правда чувств, поданная в театрально-выразительной форме, — вот к чему стремился Вахтангов.

В 1920 году новый коллектив, созданный Вахтанговым, вступает в семью Московского художественного театра под названием третьей студии МХАТ. А через год, 13 ноября 1921 года, происходит официальное открытие новой студии спектаклем «Чудо святого Антония». Этот день вошел в историю советского искусства. С него начинается свой отсчет времени театр имени Вахтангова.

А менее чем через полгода (28 февраля 1922 года) выпел спектакль, который заставил заговорить о театре Вахтангова как о выдающемся явлении современного искусства. Это была сценическая сказка Карло Гоцци «Принцесса Турандот».

Этой постановкой Вахтангов утвердил свое направление в искусстве, хотя он никогда не замыкался в границах своего театра. Ученик Станиславского, он постиг не букву, а дух системы. Сам прекрасный актер, он был не просто режиссером, но режиссером-актером. Он мыслил актерски, искал органику пребывания и действия актера на сцене. Он был воплощением театральной формы, и она возникала у него прежде

всего как форма игры. В этом утверждении основ актерского искусства, в своем ощущении его как живого и одухотворенного процесса Вахтангов несомненно продолжает традиции русской реалистической театральной школы.

Вахтангов всегда был режиссером органического склада. У него была своя тема в искусстве, и он выражал ее на свой лад. Человек театра с головы до пят, Вахтангов не замыкался в узкие рамки профессионализма. Он вслушивался в бие пульса современности. Недаром неоднократно говорил о том, что в выборе и постановке той или иной пьесы им руководило чувство современности.

«Принцесса Турандот» Вахтангова — гимн молодости, счастью, гуманности — была созвучна оптимистическому мироощущению победившего народа. Вахтангов меньше всего думал о том, чтобы всерьез говорить о сценических принах Калафа, о кознях влюбленной в него рабыни Адельмы и о покорении строптивого сердца Турандот. Непрерывный каскад остроумных выдумок, тонкая и изящная ирония, откровенная и яркая театральность и вместе с тем — вот парадокс, заключающий в себе тайну обаяния вахтанговского гения! — абсолютная безоговорочная искреннейшая правда актерского чувства, без которой

Вахтангов не мыслил театра.

Вахтангов создавал этот спектакль уже будучи смертельно больным. Точно боясь не успеть, будто предчувствуя недолговечность свою, он работал напряженно, страстно.

Какой титанической силой воздействия на своих учеников, какой убежденностью в правоте своих творческих замыслов, какой непостижимой подчиненностью всех своих устремлений главному делу своей жизни — сцене — обладал этот гениальный человек, с пророческим даром предвидения, чтобы театр, созданный им, не распался, не погиб, не одряхлел, а наоборот, возмужал и укрепил свои позиции. А ведь Вахтангов умер (ему было тогда 39 лет), так и не увидев на сцене своего шедевра. Молодая студия осталась без руководителя. Но дело, созданное светлым гением Вахтангова, не распалось. Идеи учителя были восприняты учениками. Новаторские устремления Вахтангова нашли благоприятную почву для развития.

Ни об одном театре не отзывались так противоречиво, как о вахтанговском театре, хотя все ощущали его силу, своеобразие, его бесспорные успехи. Причина кроется, на мой взгляд, в том, что наш театр каждой новой постановкой разрушает установившуюся схему о своем творческом лице. Театр Вахтангова многообразен, он,

подобно мифическому герою, един во многих лицах.

Евгений Вахтангов не спешил ограничить специфику своего театра строго сформулированными принципами актерского ремесла и жанровым единообразием. Театр этот возникал не для того, чтобы на сценических примерах доказывать правильность уже отстоявшейся системы, как то бывало при возникновении других театров, а чтобы бесконечно искать новое.

Вахтангов и вахтанговцы получили от Московского художественного театра проверенное художественное наследие. Но вахтанговцы пошли своим путем. Они развили и укрепили принцип коллективности, ответственности всех актеров за успех спектакля. Разбивались постановочные шаблоны, штампованные декорации, замороженные актерские амплуа. И вместо труппы, где механически соединялись актеры первых ролей и неподвижные статисты, создавался подлинный театральный коллектив, для которого каждый третьестепенный персонаж пьесы был не менее важен, чем главный герой.

В этой коллективности — огромная сила вахтанговского театра. Но сила его и в изумительном чувстве поэзии, когда правда искусства становится высшим выражением правды жизни. Вахтанговцы отказались от медлительности действия, от бытовизма. Поэтический театр взорвал натуралистическое правдоподобие. Вахтанговцы вернули театру узурпированные у него натурализмом права на условность и поэтичность. Выдающиеся художники, ученики Вахтангова Рубен Симонов и

Борис Щукин пронесли через свое творчество заветную учителя великую магию воздействия поэтического театра и передали ее в свою очередь нам, вахтанговцам нового поколения.

О творческих мечтах Вахтангова, о его предчувствиях и надеждах говорят его дневники. Его воображению рисуются величавые массовые сцены, перед умственным взором «идут века», ему слышится «песнь надежды тысячи грудей» — это «идет народ строить свою свободу».

Вахтангов мечтает поставить байроновского «Каина» и «Зори» Верхарна, «Фауста» Гете и «Гамлета» Шекспира. У него рождается мечта о создании народного театра, отражающего революционный дух народа. Такие постановки «должны быть непременно грандиозными, непременно с массовыми сценами, непременно героического репертуара». «С художника, спросится!» — говорил Вахтангов своим ученикам. И острее всего чувство современности является самой сильной стороной творческой практики театра имени Вахтангова. Все важнейшие события в жизни страны получили свое художественное отражение в спектаклях вахтанговцев. Из 167 спектаклей, поставленных театром, 114 принадлежат перу советских драматургов. И сегодня ученики Вахтангова имеют право с уверенностью сказать, что они пронесли через всю творческую жизнь театра заветы своего гениального учителя.

Евгений СИМОНОВ, главный режиссер театра имени Вахтангова, народный артист РСФСР.